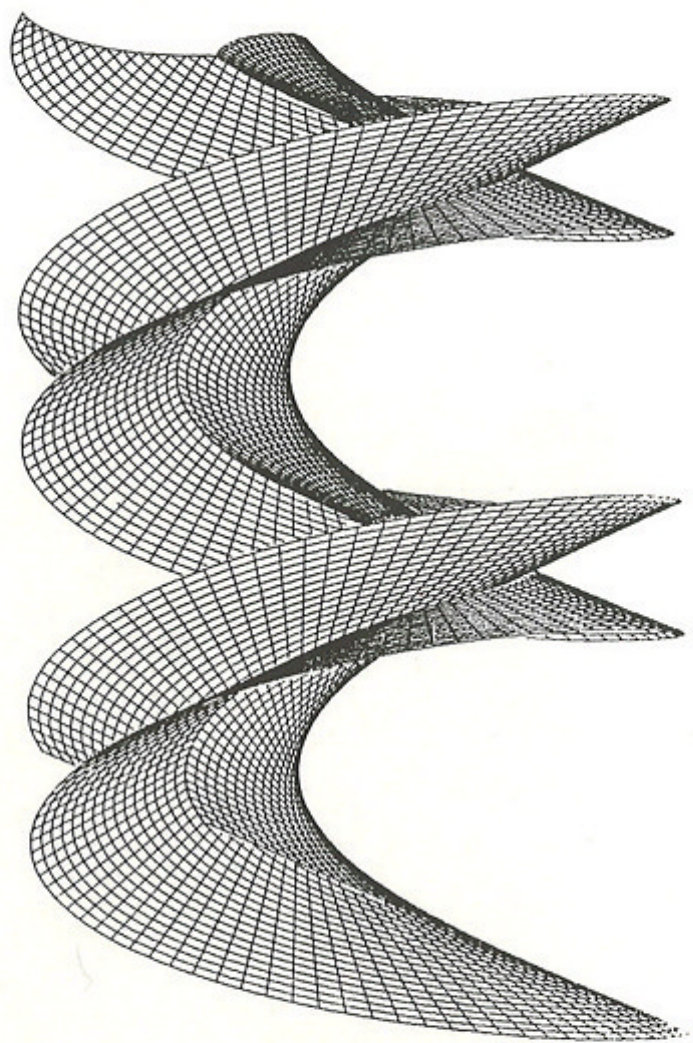

М. ДЕЗА

59~62

«СИНТАКСИС»
ПАРИЖ

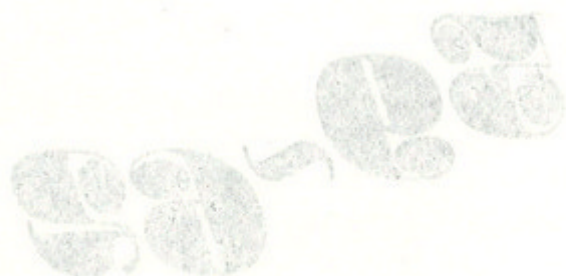

М. ДЕЗА

59~62

«СИНТАКСИС»
ПАРИЖ

ASTORIA

© Copyright by Michel Deza, 1983.

Иллюстрации любезно предоставлены Хансом Сейболдом.

«ОМОЖАТНО»
ЖИЧАП

В мои двадцать-двадцать два, т.е. 1959-1962, у меня появился голос, но еще не было души. Короче, я писал стихи и начал было жить этой второй безопасной жизнью в приручаемых словах. Но что-то во мне просилось из воды на сушу, в застекольный хруст необратимых процессов, в жабры-раздирающее пение и кисло-сладкое беззаконие "реальной жизни", приютившее Рембо. А может быть это от уважения к неСлову и Тьме (как не было слов в песнях моих хасидских предков). Итак, я запретил себе-ему записывать чувства, образы etc. Возможно было лишь произнести, т.е. только в несправедливом окружении собеседника, на милость его памяти и корысти, для защиты и соблазна. Так стали мои слова евреями слов, страхорожденные и без страха смертные. Как траппист кует из молчания звуком, так и я стал скульптурою своего молчания письмом. Вместо подлого бессмертия и второго шанса литературы, вместо истекания, я стал сам по-

гоней и замыканием кривых. Так напрыгал я себе, как лягушка в молоке, маслице души. А ценою этому явилась моя неслучившаяся карьера малого московского поэта.

С той славной преступной поры прошло более 20 лет. Пусть плеснется здесь, в зеркальце несуществования, этот неживший, старший и страшный брат. Нижеследующее (с малыми сокращениями) — что осталось от него .

1983

М. Деза

ПОЗНАНИЕ

Познание — ученые ползут друг за другом по запаху.

Куда ни посмотри на мир, в темной Стене открывается ход на всю ширину взгляда. Сверкают в отверстиях бледные зубы и звенят клинки.

В достаточно большой куче навоза всегда есть жемчужное зерно, в любом достаточно глубоком колодце лежат ключи от всех мировых тайн.

Все турбины в мире богов вертятся на энергии человеческих отношений.

Надо познать все методы доказательства, чтобы знать, каким языком нельзя говорить с божеством.

Существование бога — это юридический вопрос доверия к опыту.

Допустим, бог решил все объяснить людям, — но было плохо со средствами связи. Он, скажем, сообщает по одной букве в тысячу

лет. (Между прочим, так и происходит.) Пока мы просто беспокоимся между двумя буквами. Прошло 6 тысяч лет, а бог начал с длинного слова.

Боги живут в промежутках несравнимых миров.

Бесконечность не есть очень много наших конечных предметов. Она создана из своих непостижимых кусочков.

Познание — смотреть в огромную замочную скважину с подобающим страхом и завистью.

Познание — террор относительности, озарение и судорога лицемерия, жертвоприношение гипотезы.

Как рожденный женщиной не страшен, так созданное человеком вызывает не более, чем родственническое любопытство, панибратство и зависть.

Законы природы — выражение на лице бога. Медленно меняется у него настроение. Что будет в пятом веке после нашей эры?

Я видел один из прекрасных миров. Ничего

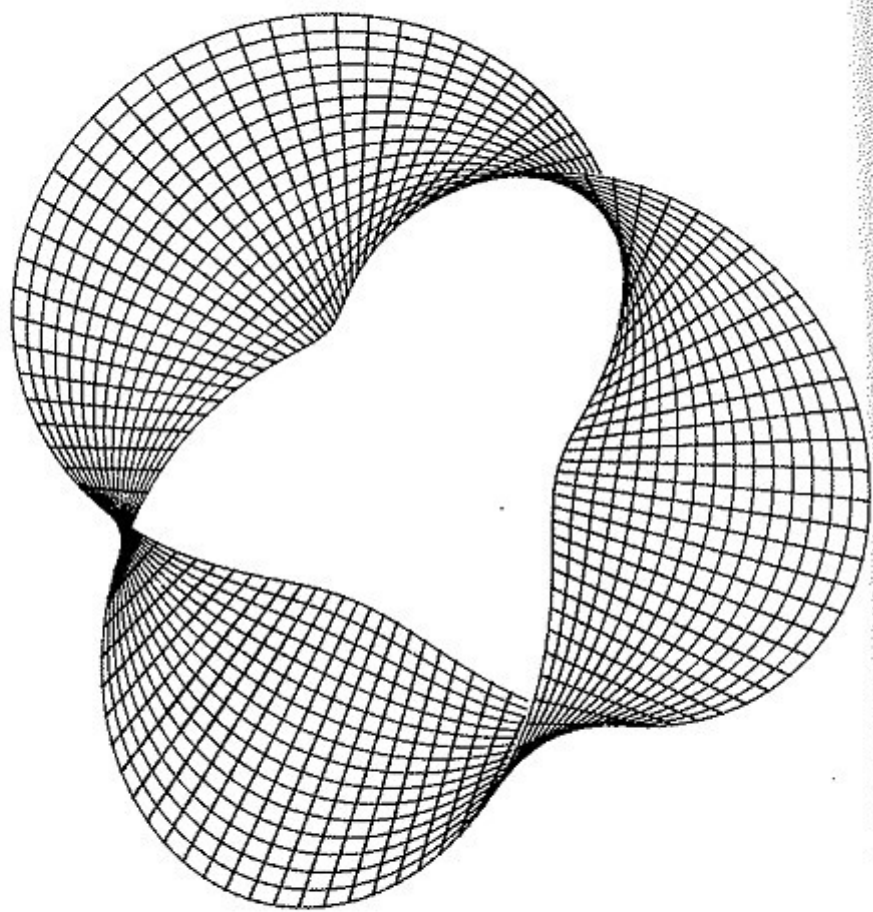
не скажу о нем — я не доносчик. Когда-нибудь за это будут пытаться. Позор Ницше, Меттерлинку и Ньютону. Ах, прелесть молчать о совершенстве. Ничего не запоминать и не повторять дважды.

Компромисс между творчеством и "зачем ты это делаешь" происходит у меня даже раньше появления первых слов-добровольцев. Трудно тащить собственный труп, хоть бы и пять метров.

Самоцель познания — компактность, уменьшение энтропии. Ассоциация пытается заменить два объекта новым третьим. Факты сублимируются в закон.

Что есть Вселенная — разросшиеся ли это ветви травы или разросшиеся это корни травы? Что такое добро, длина ли это стрелы? Что такое зло, глубина ли это стрелы? Что есть Вселенная — условие ли задачи, записанное в эфире, или решение ее, записанное в явлениях?

Готический метод — решать проблему в лоб, вглубь, объективно, как саранча. Метод дьявола — интуиция, случайный поиск. Трясти

задачу, пока из нее не вывалится золотая монета.

Всякая мысль вызывает отвращение, как одеяло, накрывшее пламя, как окрик свыше.

За смертью, за первым глотком вечности следует познание второго смысла символов.

Ежесекундно в нас сгорают александрийские библиотеки.

Искусство проходить сквозь стены. Изучать ее с нарастающим вниманием, обнаруживая ее неизбежную неоднородность, второстепенные несовершенства, потенциальные мелкие слабости. Накопление этой алмазной пыли — информации МОЖЕТ превратиться в лавину, взгляд начнет немного жечь, появляются фокусы света, малые гало и смерчи. Разрыв происходит скорее, чем ожидалось — стена как бы помогает... Расширение точки разрыва можно делать уже при отливе воли; только инерция и измерение себя проходимостью стены. Потом надо рассказать другим... Потеря дыры. Нельзя пройти сквозь стену — назад.

ЭВОЛЮЦИЯ

Может, Земля — это чей-то зоологический музей. Все земные виды завезены каждый со своей планеты, где они представляли жизнь исключительно. Такая площадка молодняка.

Аизнь, бизнь, визнь, гизнь, дизнь — вот основные формы жизни, представленные на нашей планете.

В любовной спешке дешево нас приобрел создатель.

За 10^{10} , скажем, лет из лягушки можно сделать человека или двух.

Как искра по бикфорду бежит человеческое "сейчас" по тропке эволюции, приближаясь к взрыву. Детонация вызовет — — — — —

Машина — это сюрреалистический человек, квинтэссенция нашего вкуса, самоцель и мера.

Приехал тип с другой планеты и решил, что люди — органы размножения машин. Он пы-

тается постигнуть обычаи машин, расшифровывает как-то хаос гудков, жужжания станков, радио и т.п.

Слезть с дерева, начать разговор, выдумать огонь — непостижимо трудно. Рыбе вылезти на берег, самцу подойти к самке — подобного мы не смогли бы выдумать сейчас. Прошлого не было. Время беспорядочно шарит фонариком по немалой темноте, выхватывая куски неподвижного объема.

Ни эволюции, ни даже регресса приличного не видно. А чувствуется периодическое вращение знаковых систем.

Схема эволюции — иерархия циклов времени, стягивающаяся к пустому трону бога. Какова степень независимости земной эволюции? Платим ли мы дань?

Эволюция только тактик, она не видит дальше мгновенья, но видит все в радиусе мгновенья. Предположить, что она трудится (т.е. делает что-то неприятное, чтобы потом было легче) это считать ее похожей на человека, что маловероятно. Эволюция не эволюционирует. Для сохранения понятия развития

удобно считать, что механизм развития неподвижен. Метафизика стоит за спиной у любой диалектики.

Что, если у человека желание конструировать уже сильнее, чем у природы?

Поставить перед видом задачу, ввести летальный фактор. За какое время вид решает задачу, т.е. через сколько популяций проявляются изменения особей, полностью нейтрализующие этот фактор. Сколь быстро исполняются распоряжения бога? Это мера инерционности. Показывает ли она возраст и перспективность вида?

Каково n неполной индукции у различных существ, т.е. число повторений для выработки условного рефлекса при фиксированной значительности его для особей? Обычно это 2, 3, даже 1. Потому что в этом хаосе нужно ловить каждый удобный случай поесть, выжить, размножиться. Еще не пришел великий полдень, расхватано меньше половины добра и априори выгодней вступить в любую реакцию, чем не вступить.

Исследования сводятся в конечном счете

обычно к перебору числа вариантов, сравнимого с числом пальцев. Возможно, что лоскут 1, 2, 3 ... 20 не представителен для Чисел. Переход к большим переборам изменит архетипы.

Оптимальная стратегия: на все возможные вопросы "да или нет" отвечать случайным образом. Это надежнее любых индукций, Большое Ведро себя окажет. Случай удачливей личности.

Построить алгебру каждого организма на продолжительностях функциональных процессов. Так, почти не замечая целесообразности, можно объяснить структуру, геометрию организма.

В n -ярусное трубчатое дерево запускать много муравьев по очереди. Очищать после каждого, чтобы система не имела памяти. Цель — график распределения числа муравьев по 2^n банкам в конце каждой ветви. Это анкета из n последовательных вопросов: "право" или "лево"? Вдруг в виде инстинкта у муравьев (единственная толпа на плоской поверхности, кроме людей) сложилось что-то вроде правил уличного движения?

Что возбуждает в женщине: геометрия силуэта или гипотеза о содержимом?

Первый страшный суд, первый Интеграл будут только началом в процессе повышения ставок.

ЗНАКИ

Дать название. Против двадцати томов подробного описания предмета встанут пять букв — камикадзе. Фермопилы, клеймение мустанга, азарт грубого дележа, волнующая краткость будущего. Мгновение неожиданно оборачивается лицом ко всему прошлому. Пуля требует равенства с убитым.

Название — это специфический вирус для предмета. Их разделяет пропасть размеров, давно ставшая качеством.

Название — жених предмету, прибывший из другой культуры.

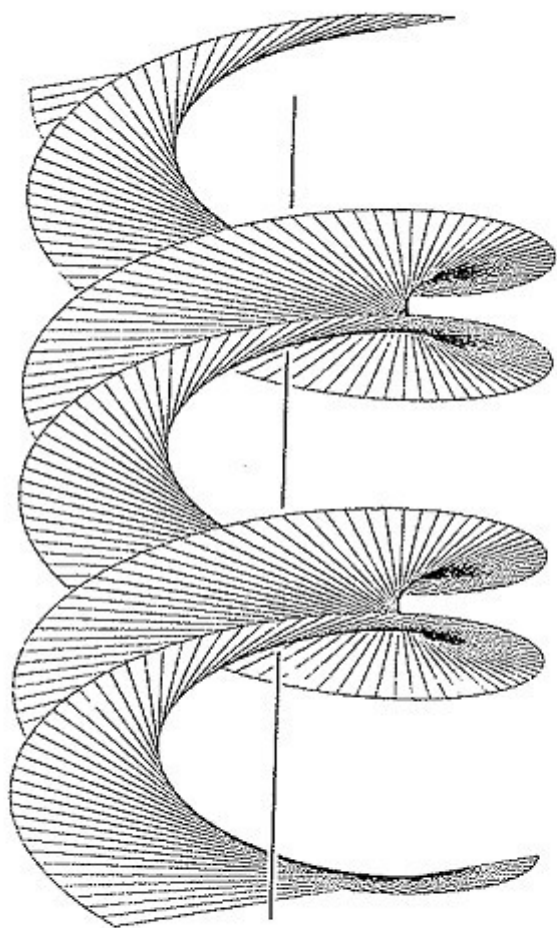
Чем бессмысленней элемент культа, тем древнее его целесообразность. Чем неутилитарней идея, тем позднее придет ее необходимость.

Мои записи — это описание механических движений, силуэтов и поверхностей отдельных предметов. Если взять любое абстрактное понятие и немного расшатать его смысловые обстоятельства, то часть этой энергии превращается в материю. Понятие обретает массу и поверхность. Главное, поверхность, а не вес, не объем и уж не смысл, конечно. Для меня описание — это кратчайший прыжок страсти.

Слова — это юные звери, они занимают место. Они созывают звуки и строят отдаленные замки. Строятся в шеренги и замирают. Мелкая дрожь прутьев решетки.

Приблизиться к кухне мастера. Жарко. Судорожное всхлипывание масла. Волосы в котле. Густейший запах личности. Интерьер смердит, хамит и лезет в люди. Нечистоплотность гениев. Они — заложники будущего в наших руках. Мастер обслуживает свое творчество как лифтер.

Есть надо не вместе. Спать надо не вместе. Отделенные высокими хребтами, стоят кабинеты мастеров. Снуют подмастерья и делают выводы. Мастера встречаются друг с другом

редко, как короли, и обмениваются дорогими подарками.

Вещь должна быть свежей, как кусок сырого мяса — любая страница с фразами, пятнами и формулами. Идеи, обнаженные как надежда и угроза, азарт, извращения из гремящего черного серебра, грохот шаров, брошенных в пустой зал серого кафеля.

Люблю слова любовью чистой и запретной. Осязаю их как поверхности веществ неловкими пальцами. В молекулах слов мерцают как на запыленной лампе контуры иных предметов — совокупление контуров — точная наука шаманства. Пальцы трогают уголки губ и глаз. Не торгую словами, но не способен в одиночку есть блюдо из собственного мяса.

К максимально бессмысленному тексту, к фразе наибольшего удивления — текст священных книг, уставов и бреда: слова, пресмыкающиеся и земноводные, заново встающие за страхом и слабостью.

Искусство — ассенизация, уравнивание мелочей с главным. Искусство замечать следы. Наслаждение хоронить мотивы.

Идея рождается как протест против всех предыдущих. Она пантеистична, как щенок. Пытается завязать знакомство с первым же встречным предметом. На двадцатой секунде холод рвет ее в талии: половину обратно в хаос, половину на полку в мрамор.

Провоцирую истерику, потом собираю осколки. Урны. Кладбище. Каждое движение и знание еще больше обуславливает меня. Становлюсь мелочным и изобретательным. Что может быть печальней фактов и свойств, неотделимых от тела.

Если придет в голову удачное сравнение. Не легко, не трудно, а просто случайно упало на голову, как помет валькирий. Гадкое наслаждение сделать из него центральную пуговицу для нового костюма.

Когда пишешь, надо рассчитывать, что боги просматривают всю литературу, появившуюся у людей. Чтобы тот, кто будет искать аналогии и толкования, разбился о подводные камни текста. Пусть мотивы сможет постигнуть только наипрекраснейший и пусть они обратят его в камень.

ЧЕЛОВЕК

В человеке столько изящества, излишней роскоши, украшений, достойных лучшего мира.

Мечемся друг за другом, вступаем в молниеносные союзы, как будто кто-то сказал, что скоро где-то будут давать бессмертие и силу, но не более двадцати пар. Друг — это знать милые слабости, используя которые можно при случае проскочить перед ним на прием к богу. Всякий стоит ровно столько, сколько о себе думает, и получит столько, сколько хочет.

Впитать в себя все общеживое, общеземное, отказываясь постепенно от чисто человеческого, все время расширяя понятие своего брата, друга, племени.

Люди обычно ищут самодоказательство вне себя, в порожденных ими изменениях мира.

Менять способности по умению создавать хаос и достойно вести себя там.

Моральный статус человека измеряют не его долей в обеспечении общественной удачи, а его долей в перенесении страданий. Это идет с доморальных времен, с родительского и полового права. Считается, что шкала страданий тоньше, важнее и универсальней, чем радости. В общем, люди больше боятся страданий, чем хотят радости. Радость — это лишь осознание отсутствия страдания, неудача врага. Будто бы страдание первично.

Хорошо бы открыть новые мотивы для жизни, а то старые уже убывают.

Человек только сопутствует вещам, совершающим непонятные переселения. Я — пересечение вещей, содержимое пальто.

Через каждые десять минут в человеке возникает новая личность, которая наследует организм. Жизнь сшивается из десятиминуток.

Идеи возмездия и жертвы — атавистическое воспоминание о нашем божественном происхождении. Ее лишены животные и гении. А наша месть щедра.

Аскетизм — это способ обойти опыт, тактику. За протокольность в нем скрывается дикое барство ума. Но аскет понимает риск: он может опоздать на внеурочную раздачу.

Информацию будут раздавать по карточкам. Достоинство — забывать, не познавать.

Психоанализ — отыскивать в себе самом трепещущее дитя, чтобы раздавить его раз и навсегда.

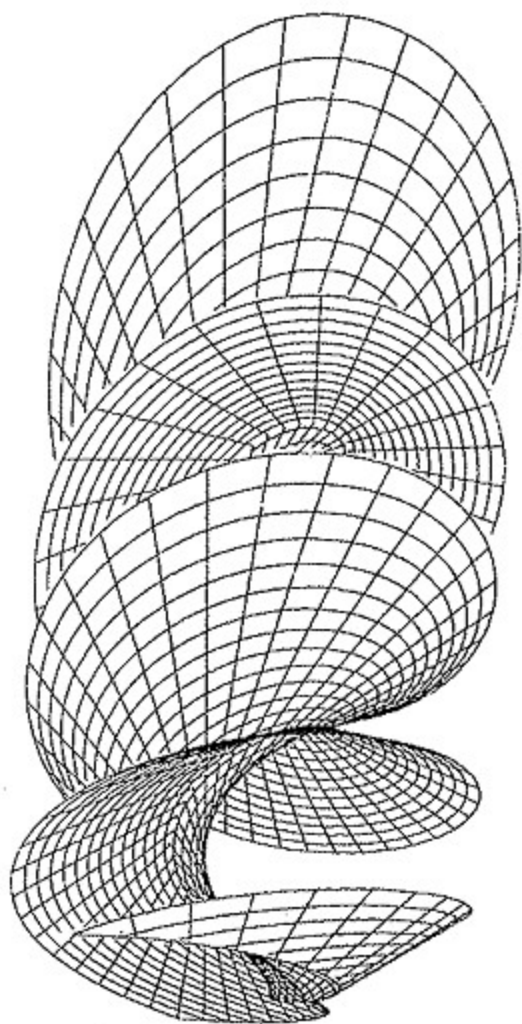
В музыке осуществляется вековая мечта крысы о волшебном мире сала.

Человечество — подсознание бога.

Человек — личинка ангела, прототип дьявола.

Это дурной сон, разбежавшийся в зоопарк. Боже, неужели мы и в самом деле предоставлены самим себе?

На Земле еще слишком мало людей. Еще не все возможные типы представлены среди живых. Мы — еще толпа патрициев, родоначальников. Еще нет кворума для принятия решений.

Мы умеем ходить, плавать и летать, умеем говорить и передавать информацию на немалые расстояния, умеем добывать огонь и атомную энергию, мы знаем несколько способов делить добычу и кое-что еще. Мы молоды, о боже, как мы молоды. И черпаем информацию из хаоса слишком редким решето.

Идет эпоха первоначального накопления знаний, и я — один из молодых идальго, покинувших континент, чтобы найти свое Перу.

В мозгу современного человека вырос Минотавр, требующий десять открытий в день. Мы живем за счет непознанного, как и за счет флоры и фауны.

В окончательные моменты творчества совершается убийство пророков и исполнение проклятий. Но тут есть и неутилитарные цели инстинкта — барщина богу.

СТРАХ И НЕНАВИСТЬ

Я чувствую себя объектом невидимого химического контроля со стороны общества и природы, и я хочу стать раковой клеткой. Только раковая клетка добивается диалога с организмом.

Пройти смерчем, оставляя за собой пылающие проблемы, переполняя дороги, прокладывая рельсы. И пусть уцелеют маленькие, ошалевшие от страха деревни черных муравьев. Пронзить одного из титанов, исчезая с ним. Конечно, боже, я могу и обмануть тебя... Боже, не смотри, что я один; за моим голосом армия — 1 человек.

Жизнь — неподвижность капли в экстазе сорваться, выпуклые до касания глаза вахтерши, спокойствие, можно шалить.

Смерть — движение в темноте, сырые стены, от них легонько бьет электричеством. Низкие потолки, коридор военкомата, боже, когда кончится эта лестница, промахнуться в темноте, МИМО... Приблизительность. Шар круглый, а тут протяженность, кровь хлещет из горла трубы.

Я пробьюсь в кабинет бога в его бетонном бункере, напоровшись в последний момент на пулю из его личного пистолета. Я превращусь в его страх и предам его в следующий подобный случай.

Хочу ужалить бога в зад.

Ницше — это время года; зима, переходящая
в весну.

Но так было всегда. А я все равно боюсь. Как нетрудно, приложив руки к груди, услышать там страх кистеперой рыбы, ползающей на берег. Укусить могут спереди и сзади. Страх органической капли, пылинки из туманности. Страх — это золото, накапливающееся в процессе познания. Это вкус яблока, неисчерпаемость и неутолимость его.

Я живу с тем чувством, что вся поверхность мира — раскаленная сковорода. После каждого шага прыгаю, возвращаюсь и т.д. От этого — подвижность, любопытство, донжуания страха.

За крошку со стола богов отдам все человеческое. О, спрячь в себе, медная дверная ручка, клад моей ненависти.

СМЕРТЬ

Простенькая радостная микромелодия, отделяющая жизнь от неорганического, предсмертный тихий звон рвущейся папиросной бумаги.

Большинство людей, подвергшихся смерти, умерло. Смерть — это действительно серьезная болезнь. Похоже, что все остальные болезни — только ее детонаторы. Смерть излечивается только в исключительных случаях; так редко, что многие не верят, например, в воскресение Христа. Вообще, по-видимому, возможности наших рук шире возможности нашего воображения.

Умереть усилием воли.

Пусть пристально глядят акулы в иллюминаторы кают.

Люди, не выдержавшие последнего пустячного испытания, не договорившие заклинания. Окоченевшие трупы лежат в пяти метрах от великих открытий.

Издохнуть на берегу Великого Океана.

Не верю в смерть, не впускаю серого волка.
Если умру — не верьте ни одному моему сло-
ву. Он умер — значит, он лгал.

Когда изобретут бессмертие, смерть пе-
рейдет из аксиом в теоремы этики: Ведь не-
льзя же допустить массовое бессмертие.

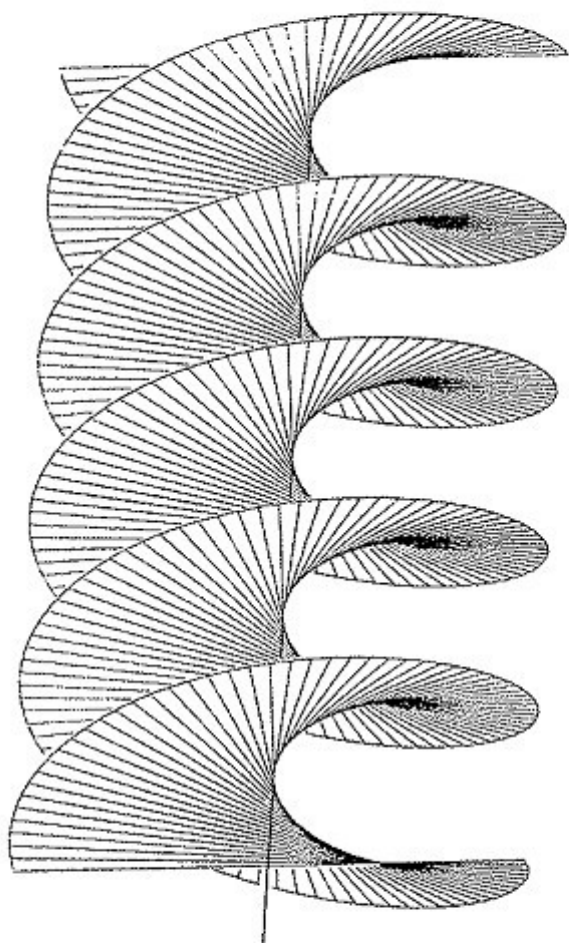
Смерть. Прелесть последних минут, волшеб-
ство трещин в племени мрамора. Мужчины
и женщины наконечника стрелы.

Я — бутылка, выбросившаяся из поезда, жи-
вущая теперь нормальной лесной жизнью,
мокрая и с жуками, как и подобает нам,
бутылкам, от рождения.

ПЕЙЗАЖИ

... сверкает между сосен декольте реки. Бе-
рега ее оторочены бегущими соболями. Во-
да ее — чистая ртуть. Плывут в ней, незаме-
ченные, стаи стальных иголок, оловянные
бруски, колечки, чугунные плитки.

Письменный стол. Объемное слово разложе-
но по плоскостям. Ветер через форточку

выдувает на столе бумажные пузыри. Стекл
янные торы безумно легки. Вздрагивают на
остриях предметов.

В отдаленных залах зеркальца для брит
ья разбросаны твои отрубленные пальцы, во
лосы и уголки губ.

Шоссе ночью. Жемчужные лампочки проку
сывают воздух до желтой крови. Ночь зали
зывает укусы влажным языком. Как кош
ки, перебегают дорогу черные автомобили.
Проходят облака, как усталые воины после
тяжелой победы. И гербовая печать луны
освещает всю эту утварь — придает всему
официальность.

Роскошь от развалин дома. Развалины моря
и леса.

А если сейчас я иду и в глазах моих юношес
кое серебро... и руки темные и гибкие как
бронза... а в порту южного полушария два
часа ночи и дома оставлены на асфальте как
горки грязной посуды. На улицах валяются
корки хлеба и апельсинов. Ночные ветры из
редка гонят по переулкам фантики от доро
гих конфет — женщины в шуршащих плать

ях и ярких плащах. Они торопятся домой, обходя объедки, отворачиваясь молча от пристающих на перекрестках ветров. Дождь холодной водой сполоснул дома и кучи и уголки между будками... В ладонях катаются шарики. Поверхность их не отражает ничего снаружи и не пропускает никого изнутри.

Фонари — это маленькие лжинки, засыпавшие город. Догмы представляют суммы степеней 2. Стекла — вы подражаете Ничему. Собираю оборванные телефоны — им надо вспомнить между собой. Собираю черепки зеркал — им тоже. Положите все на место, как было. В заключение надо аккуратно всунуть лифты в темные пролеты лестниц.

ЗВУКИ

Журчанье булыжных струй. Лопаются глобусы.

Уже разбиты стекла в горошек цоканья копыт.

Шелест кованых подков все нежней и свежей.

Тремя выстрелами из пистолета убил стеклянную вазу.

В просторных внутренних залах гитары притихла одинокая муха. Эфир мягко колыхается, качаемый змеиной головой.

В серебряной оправе каменный плевок. Плевок жемчужины в браслете.

Народ молчит, как раздавливаемый жук.

Коснуться. Игла. Стелется. Укол. Пирс. Цель. Дюз. Семь. Кесь. Лось.

Обезьяна: о-хо-хо йанисса, о-хо-хо йануну.

Гамма: Переключение Анджели, Убийца Птиц и Лень Тю Римли.

Аскет, алмаз, точка. Ацтек, агат, щадить.

ПРИКОСНОВЕНИЯ

Ощупай меня рукой вора в темноте, рукой глухонемого и парализованного. Жужжи пчелой в моих волосах.

Реабилитация женщиной.

Глаза твои — кратеры презрения, волосы — рыжий пепел, фигура немного громоздка к поясу. Несколько грубых условностей — скулы, груди и бедра — небрежность, небрежность... Лицо твое — крашеный мрамор. Твое теплое влажное тело я не смогу рассовать по всему Городу.

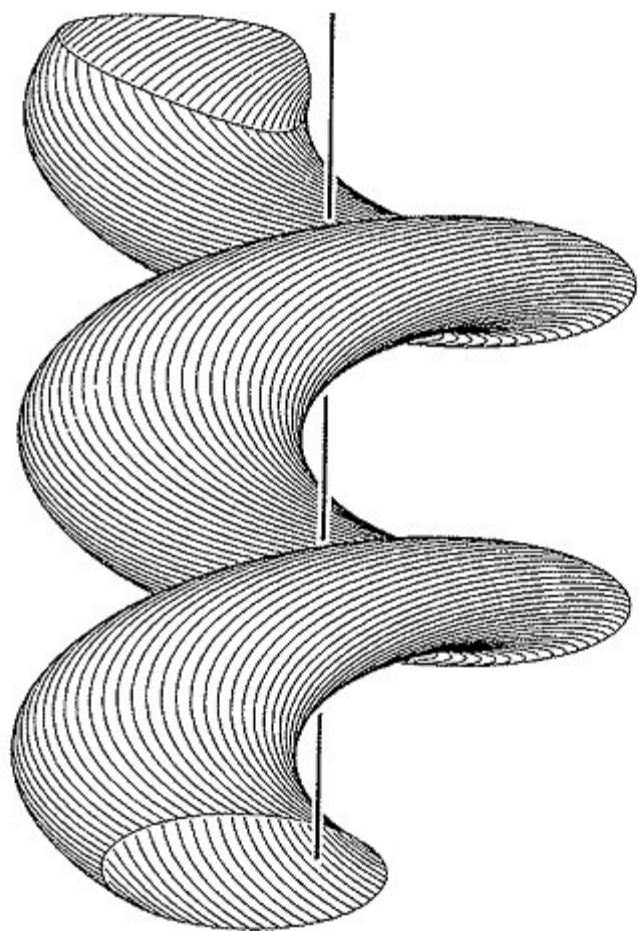
Твоя рука касалась меня. Не было ничего, что не касалось меня. Воля выполнить, обгоняющая движения. Ты останавливалась и шла, спотыкаясь. Мы спешим и замираем в удаляющемся грохоте безумно скачущей повозки. Твоя кровь вливается в мои артерии и тяжкая сила набухает в моих пальцах. Вонзаю их в мягкие страны, проваливаюсь и ползу вниз...

Боль тонкими нитками штопает ужасную рану.

В твоих волосах цвета пыльного колоса ласточки свили гнездо. Они запевают ночью и просыпаются хищники, гиены и зоркие тигры. Гиены и зоркие тигры прыгают в лунные люки, прыгают в лунные диски. И в черную вату завернуты драгоценные звезды.

Ева с мужем жила на небольшой площадке, окруженной лесом. Адам охотился, а Змий помогал Еве готовить пищу и поддерживал огонь. Змий был обыкновенный глухонемой. Адам вернулся вечером и лег с Евой возле костра. Он стал перебирать ее тело пальцами, он чертил взглядом по ней ломаные линии, нигде не задерживаясь.

Вдруг раскаленное бревно коснулось спины Евы. Она оглянулась. В трех шагах сидел, как обычно, на корточках Змий, держа кочергу. Глаза его были закрыты. Но, разорвав одежду, вырос между его ног столб, который направлялся к Еве. Она вскочила. Столб, не теряя гибкости, стал расти и разветвляться, иногда касаясь Евы. Как удав, он оплел Еву молниеносно растущей кроной дерева. Адам пытался приблизиться, но щупальца бросились, чтобы обнять и его. Адам отполз по земле в лес. Ева висела в воздухе как внутренность гигантского цветка. Все отверстия в ней расширились — в них устремились кончики ветвей. Середины ветвей ощупывали поверхности ее тела, искали, куда пустить отросток. Кончики ветвей стремились все дальше внутри ее, переполняя. Ева трижды умирала и трижды ее воскрешали живые воды Змия.

Змий чувствовал только страшную тяжесть между ног. Он лег на землю, напрягаясь как нижний акробат. Катастрофический рост дерева теми же темпами уменьшал его тело. Змий хотел отрубить ствол топором. Но после первого же удара совершилось извержение вод. Дерево рассыпалось, и все его отростки, как и само тело Змия, стянулись в сухую кожу и ломкую пленку. Ева упала на землю.

Когда умирают женщины, их груди превращаются в олово.

ДВИЖЕНИЯ

Лифт выбивает крышу дома.

Взлететь, чтобы не садиться, плыть от берега, выбиваясь из сил. Есть ли сверхъестественные барьеры, через которые не может перелиться эволюция? Есть ли последние реки, через которые нельзя перекинуть мостик из человеческих рук, ковер поколений, превра-

щение колен? Есть ли звенящие пропасти, через которые не перепрыгнул бы дивный зверь продолжения рода — творение сандала и мускуса, исполненное очей?

РВАНЕТСЯ ВЕТЕР, РАЗРЫВАЮЩИЙ СТЕКЛА, вздымая флаги и прижимая платья к силуэтам женщин.

Ветер гонит по небу звезды, гонит сына от матери, мужчину к женщине. Он бьет в кривые морды скал — кует в них ту дивную форму, которая бы не оскорбила его взгляда.

Здесь цепенеющие кручи и истекающие облака.

Всякая боль начинается тогда, когда желание разжимает когти.

Нет любви сильнее, чем у хищника к добыче — в их отношениях есть бритва водопадов и ужас быстрых рек. Тоска ножа по ране, ненависть его к пустоте и мечта о ножнах.

Во время, когда оседающие гильзы кончают свой путь, когда захлопываются двери и отшатывается зверь.

Стрела не знает мира. Она несется, остужая рану на лбу, обгоняя собственную злость. Он стекает с ее одежд на скоростях, больших узнавания. Но брызги обжигают, и это месть стрелы.

Игла хочет величайшей силы на кратчайшее мгновение. Если самоубийство, то прикосновение к высокому напряжению, прыжок из ракеты.

Стрела бесконечной длины назад. Прошрое, океан, исповедники причин и формы, место, откуда растут пальцы. Там плавает странное животное — цель, и переживает все продолжающуюся суету творения. Туда возвращается время по окончании вечностей, нанизывая их на ожерелье Дюз.

На кончике стрелы мгновение "сейчас". Это не точка, а очень маленькая площадка. Из-за нее сопротивление воздуха. И гигантская стрела не может коснуться шара бесконечного радиуса.

Бесконечная стрела касается бесконечной плоскости. Тись. Часовым — ножи. На реях

повисли японцы. Маленькие существа у основания перпендикуляра загипнотизированы высотой его луча. О, ты прекрасна, возлюбленная моя, глаза твои голубиные! Спесь мгновения, королевское достоинство его. Презрение аристократии секунд к буржуазии веков. Мгновение не нуждается в происхождении. Зато оно сжимает в ничто ВСЕ элементы будущего. Сейчас мир детерминирован. Как дико меняются масштабы. О, лизины лизинов! Материя требует сознания. Из каменного мешка вещи в себе доносится стук маленьких рук. Энергия требует объема, линия — ширины, тишина — оваций. Чрезмерность точки укола создает религию. Но подлая страсть к размножению. Мгновение взрывается, чтобы произвести другие. Причины обретают существование в республике последствий. Захлопнулась матка природы. А все-таки ты прекрасна, возлюбленная моя, и очи твои голубиные...

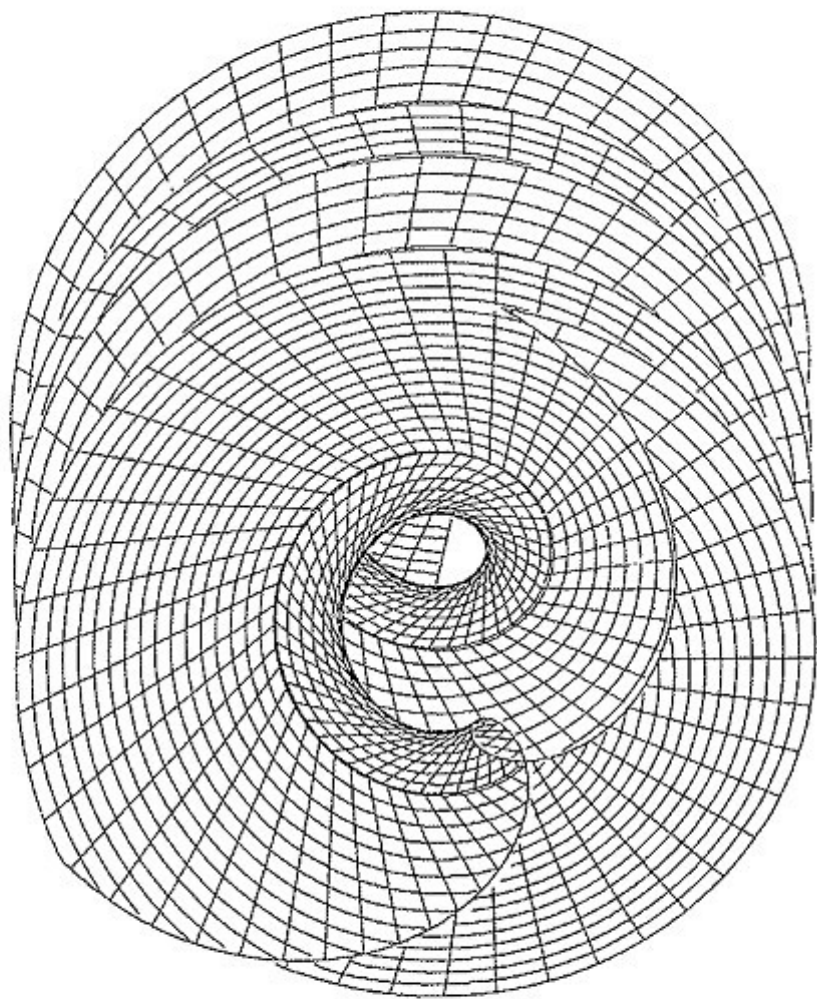
Очень длинная и тонкая нить разматывается взмахами катушки над очень глубокой пропастью. Возможно, что нить острая и холодная. По-видимому, очень темно. И вот нить падает и падает в бездну нарастающими кругами. А на самом конце ее привязан челове-

чек, готовый, без эволюции. Он ползет вверх по ниточке к божественной КАТУШКЕ.

Гигантский шар катится по высоким иглам разной высоты. Они укалывают шар. Вспыхивают звоночки, дрожат высокие, слишком частые звуки возбуждения, мерный хруст, потрескивание, проблески, ровный мертвый свет от безумной скорости, перебрасывание, истязание света в очень маленькой комнате.

Тонкий стерженек беспорядочно и очень быстро вонзается в среду и выскакивает опять, ощупывая ее жуткими пальцами слепой машины. Наконец, длинная игла возбуждения укалывает капсюль в клетке... Разливается бугристая жидкость, и чудовищно преображаясь, извиваясь в мелкой дрожи перенапряжения, клетка умирает на мгновение. А вафельный шар возбуждения струится дальше, наступая тяжелыми сапогами в теплые перелуки нервов. Потом в маленьких фиордах вафельные шарики лопаются, и шипящая прохладная кровь свободно стекает по контурам среды, оживляя раненые клетки и унося убитых.

И вот, потрескивая в репродукторах клеток, скользит упругая Живая Вода — информа-

ция. В мозгу еще теснее обступают меня хари непосредственных восприятий. Они сталкиваются и рассыпают искры конструкций.

Качнулась люстра-дирижер. День выползал из темных ножен.

Струи женского мяса стекают с лестницы театра как керосин в воду.

Танец бумажки на костре.

Марсианин в форме тора, т.е. замкнутой змеи. По земле катится, по воде плывет как круг, в небе летит как диск. Сам себя отшвыривает от стенки.

Одна галактика пожирает другую. Беззвучно как заслонки костров. Останавливаются легионы света и замыкаются спирали. Ночные лучи испарывают лезвия ножей.

Прожекторы ходят молча, прожекторы ходят ночью, Как воры в чужой квартире.

Привет вам, фонари, остановившие ночную Орду.

Брызгой спрыгну с колес,
Грязью сойду с водой.

Экзистенциалистическая лягушка напрыгала себе в молочном тумане крохотный архипелаг Масла. Нашла изомер, задержала бесконечное проваливание вниз. А моя пуля стремится вырваться из. Неосторожность капли. Не притормаживая, упасть быстрее притяжения к самому рациональному — богу, чтобы разбить многие кувшины. Упасть мертвым жуком, произведя АВЗЗ в мещанском сердце бога.

Скорпион. Самурай. Вселенная разбегается от меня и стекает в ведро, отскакивая от стенок. Убийство себя — вбить гвоздь в расползающееся, в очень ненадежное место вселенной. Огонь. Сжаться в огне для прыжка в разные стороны.

АБСОЛЮТНАЯ ИДЕЯ был большой и спотыкался, увеча Землю. Он проваливался в мягкие сиденья, и мысли вылетали из головы, как пробки из шампанского. Он был один — никто его не видел, потому что никого не было. И рассыпался он в мелкие брызги и хрустящее стекло. И каждая пылинка

зеркала отражала весь мир, каждая икринка стала тем, что есть человек. А он все разрушался, и видно стало, как непомерно он был богат. Теперь он бессилен, но видит все. Нет, я тоже хочу рассыпаться на мудрую мелочь. И во мне перекрещиваются зеркала и мягкие провода врываються в темные пульты. Нельзя протиснуться в узкие ходы мозга.

Бросить в лестничную клетку одежду, спустить в мусоропровод часы и документы, отрубить люстру и далее в том же духе привести в порядок все свои дела. Заткнуть все органы чувств дубовыми пробками. Найти в одном себе силы и стимулы. Слушать, как в глубине колбы падают снежинки, ощущать число поворотов и изменение углов.

Поднимаю ладонь, и из нее брызжут зеркала. Я иду, тонкий, сексуальный, и внимательный, как оса.

Выпрямлюсь и стану твердо — земля повернется вокруг моей оси, скручиваясь под ногами.

Освобождаюсь — вылетает сокол, выползает змея, разбегаются львы и мыши.

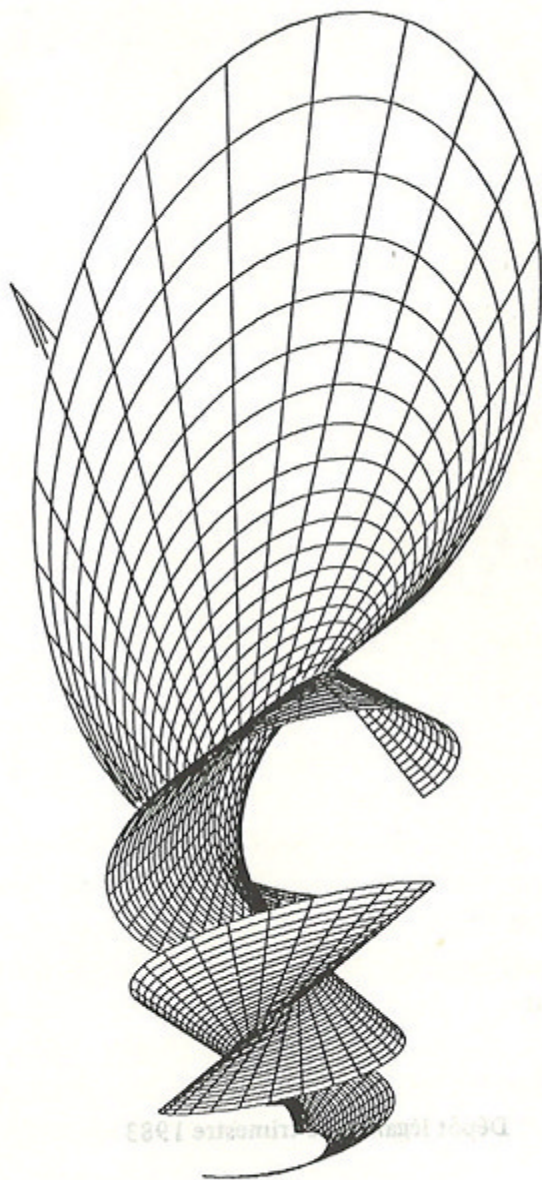
Часы стоят, по небу тихо ходит больная не-
красивая луна.

До сих пор огромные полипы тихо перехо-
дят Океан.

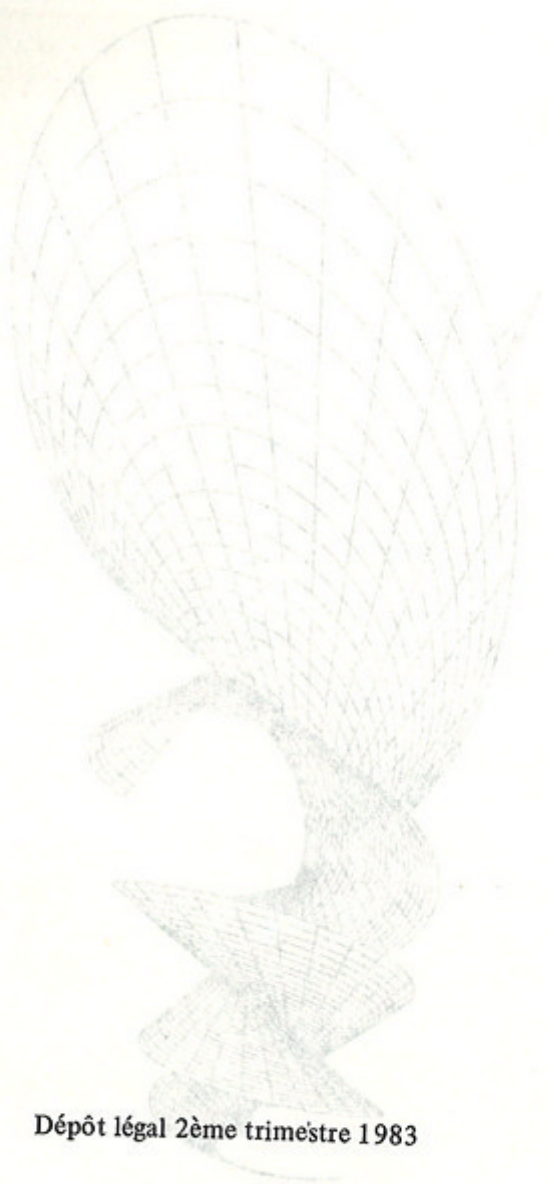
Эта ночь энергична. Все курицы мира снесут
завтра от нее по маленькой гранате. Через
двадцать — из железных яиц вылупятся жел-
тенькие птенчики взрывов, маленькие шар-
фюнеры пятиметровой смерти.

Обрубим гигантские сосны — обольем их
вершины серой. Проведем сосною, как спич-
кой, по шершавой щеке Земли. По дорогам,
на которых миллионы лет ползают жуки.
Дороги — морщины ума на этом лице Земли.

Мегаломан, патетический и манерный, я
опоздал стать трогательным. Мания пресле-
дования превратилась в манию реальности, в
манию преследовать природу, в манию пожи-
рания мира путем его познания. Так страх
происхождения оплатил счет жизни. Первич-
ного любопытства не хватило бы для этого
безостановочного падения вперед и вверх.

Deposited 1983

Dépôt légal 2ème trimestre 1983

